

12. *Никифора* патриарха Константинопольского краткая история со времени после царствования Маврикия: Пер. Е. Э. Липшиц//ВВ. — 1950. — Т. 3.
13. *Прокопий Кесарийский*. Война с персами//Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история: Пер. А. А. Чекаловой. — СПб., 2001.
14. *Продолжатель Феофана*. Жизнеописания византийских царей/Изд. подг. Я. Н. Любарский. — СПб., 1992.
15. *Ioannis Malalae Chronographia* ex rec. L. Dindorfii. — Bonnae, 1831.
16. *Житие* Георгия Амастридского//Васильевский В. Г. Труды. — Пг., 1915. — Т. 3.
17. *Летопись* Византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта: Пер. с греч. В. И. Оболенского, Ф. А. Терновского; предисловие О. М. Бодянского. — М., 1884.

С. В. Маслюченко

Новые факты из истории заселения Слободской Украины (по этнографическим материалам Харьковской области)

Основным этническим компонентом при заселении территории современной Харьковской области в XVII в. были выходцы из Поднепровья, но практически все исследователи колонизации Слобожанщины признают в ряде районов количественное преобладание переселенцев из северных, великорусских областей, группы которых дисперсно расположены по течению рек Северский Донец, Оскол и др. [1, с. 19]. Отсюда бытует мнение, что население Харьковщины состоит преимущественно из украинцев и русских (правда, в последнее время были выявлены и белорусы). До сегодняшнего дня не утихают дискуссии только относительно процентного соотношения массивов русского и украинского населения при колонизации данного региона.

Однако выявленный автором этнографический материал позволяет пересмотреть общепринятые в научном мире взгляды на участие русской этнической общности в заселении Слободской Украины. Более того, следует отметить, что собранные автором факты не отображены в том массиве литературы, которая посвящена истории и этнографии Слобожанщины, и впервые вводятся в научный оборот.

Речь идет о погребальном обряде, элементы которого разительно отличаются от традиционных представлений об обрядах современного населения Украины. Обряд зафиксирован в селе Молодовая, которое находится в северо-восточной части Харьковской области и относится к Волчанскому району. Расположено примерно в 5 километрах от поселка Старый Салтов вниз по течению Северского Донца. Что интересно, в архивных документах до начала XX в. село фигурирует как Молодовое, но позже, вопреки правилам русского языка, преобразовывается в Молодовая.

При захоронении на кладбище с. Молодовая местной жительницы Тимофеевой Марфы Федоровны (1 июня 1910 г. рождения, умершей 17 мая 2000 г.), которое происходило 20 мая 2000 г., автором были отмечены следующие элементы погребального обряда.

При подпрямоугольной форме могильной ямы (с размерами: длина 2,10–2,15 м, ширина на поверхности 0,8–0,9 м) автором зарегистрирована большая глубина могилы — около 1,8 м. На высоте 0,5 м от дна ямы расположены два уступа вдоль боковых сторон ямы, ширина выступа которых 0,12–0,15 м.

В археологии эти уступы принято называть «заплечики». Выводы, сделанные на основании исследованных археологических памятников разных эпох, говорят, что на таких «заплечиках» располагалось перекрытие над умершим, как правило деревянное, реже каменное [2, с. 84].

В данном случае в качестве перекрытия использовались заранее заготовленные дубовые бруски длиной 0,7–0,8 м, диаметром 0,07–0,1 м, в количестве 23 штуки (рис. 1). Могильная яма ориентирована запад–восток. Похоронный обряд в с. Молодовая проводится всегда после 12 часов дня. Около 14⁰⁰ к кладбищу подвезли гроб с телом Тимофеевой М. Ф., за ним шла похоронная процессия из родных и односельчан. После прощания с усопшей гроб был заколочен и опущен в могилу так, что крышка гроба оказалась ниже высоты «заплечиков» (на высоте 0,45 м от дна ямы). Тело умершей в могильной яме было ориентировано головой на запад. Далее на «заплечики» одним из жителей села были уложены дубовые бруски. Перед закладкой некоторые из присутствовавших на церемонии бросили на гроб живые цветы. Все участники похоронной процессии бросили в могилу по горсти земли, после чего яма была засыпана землей. В той стороне, где находились ноги умершей, был поставлен крест, а оставшаяся земля была использована для надмогильной насыпи. На могиле были установлены венки, и все присутствовавшие на похоронах покинули кладбище.

Для местных жителей нет ничего удивительного в столь необычном для этнографии Слобожанщины обряде. Это является традицией, которую соблюдают в отношении всех умерших односельчан.

Несмотря на то что жители с. Молодовая христиане православного вероисповедания (в селе сохранилась полуразрушенная церковь), данный обряд не относится к христианской традиции захоронения.

Самоидентификация и язык самих жителей с. Молодовая связывает их с русской народностью. В селе коренные жители носят типичные русские фамилии: Сапалев, Тимофеев, Воронкин, Толстой, Стрельников. Тем не менее, нет никаких предпосылок относить вышеописанный обряд к славянской этнографии [3].

В самом селе местные жители вышеописанные сооружения в погребальной яме называют «склепиком», но дать какие-нибудь объяснения по поводу данного способа захоронения затрудняются. Наиболее полные ответы на поставленные вопросы автор получил, интервьюируя старожила, бывшего директора сельской школы Дергоусова Якова Никитовича.

С. М.: *Для чего гроб в могиле закладывается деревянными брусками?*

Я. Д.: *Так культурнее.*

С. М.: *Как вы думаете, почему у вас в селе хоронят не так, как везде?*

Я. Д.: *Не знаю. Предки наши так хоронили, вот и мы. Традиция... (пауза). Недавно на похоронах в соседнем селе был, друга моего в последний путь провожали. Так там выкопали могилу в полметра, бросили гроб и засыпали землей, как собаку, не по-человечески.*

Рис. 1. Захоронение на кладбище с. Молодовая местной жительницы Тимофеевой М. Ф.

Между тем, считается, что ритуал захоронения — одно из наиболее устойчивых этнокультурных явлений, сохраняющее древние традиции даже при полном стирании этнических признаков в материальной культуре [4, с. 18]. Более того, традиции, связанные с погребальным обрядом, зачастую переживают историческую память народа и его этническое самосознание.

Погребальные камеры с «запличиками» очень широко распространены в археологических памятниках. Захоронения с использованием «запличиков» использовались уже на позднем этапе древнеямной культуры во II тыс. до н. э. [5, с. 74–75]. Позднее данный тип погребения находит общие черты с погребениями срубной культуры. Как отмечают исследователи, «ямы с запличиками известны в могильниках степного Причерноморья с эпохи средней бронзы до позднескифского времени» [6, с. 21–22].

Погребения с «запличиками», датированные первыми веками нашей эры, встречаются от причерноморских степей до Алтая [7].

Черняховская культура отличается биритуальностью погребального обряда, то есть сочетанием на одних и тех же могильниках погребений с кремацией и ингумацией, как правило, с использованием «запличиков» [8, с. 41]. Обильно представлены захоронения с «запличиками» среди кочевников в VI–VII вв. Позднее данный обряд входит в ареал салтовской культуры и соотносится исследователями с болгарскими племенами. В XI–XIII вв. «запличики» в конструкции погребальной камеры используют племена зависимого от Руси Черноклобуцкого союза, археологические памятники которого обильно представлены в районе Поросья [9, с. 20].

Данный обряд археология фиксирует, начиная со II тыс. до н. э. вплоть до XV в., и при этом он был, как правило, различным племенам кочевников Евразийских степей.

На современном этапе этнография фиксирует захоронения с использованием «запличиков» и сооружение над умершим перекрытия среди ряда тюркоязычных народов. Еще до недавнего времени данный этот обряд практиковали и отчасти практикуют в наше время крымчаки [10, с. 152], приазовские греко-татары, часть сибирских татар, православные татары мишари, чуваша [11, с. 131–132] и другие тюркоязычные народы.

Жители с. Молодовая не являются автохтонным населением Харьковской области. Еще в XVI в. данная территория относилась к обширному пространству, именуемому в то время «Диким полем». И, судя по историческим источникам, еще в начале XVII в. не была заселена. Но уже в 40–50-х гг. XVII ст. русскими служилыми людьми заселяется ряд сел по правой стороне Северского Донца вокруг г. Чугуева, крупного военного поселения: Старая Покровка, Новопокровка, Каменная Яруга, Тетлега, Кочеток, Терновое, Введенское, Зарожное, Молодовое и др. [12, с. 23].

Есть более конкретное свидетельство прихода переселенцев на место, по описанию, локализуемое с современным расположением с. Молодовая. «В 1652 году на Салтовском городище вновь поселены на постоянное житье, Боярские дети новики, 19 человек, которые устроили ниже Салтовского городища» [13, с. 282]. Если посмотреть на карту, то, кроме с. Молодовая, других населенных пунктов вниз по течению Донца рядом со Старым Салтовом просто нет.

Это заселение было связано со строительством в 1635–1652 гг. цепи различных оборонительных укреплений против татарских набегов под общим названием «Белгородская засечная черта». Цепь разноплановых укреплений располагалась поперек татарских дорог и тянулась от северо-западных районов современной Харьковской области до тамбовских краев [14, с. 71–72].

Теперь остановимся на социальном составе заселяемых земель. Автор не будет рассматривать участие украинского народа в заселении Слобожанщины, гораздо больший интерес представляет так называемое великорусское движение на юг в XVII в. Присоединяемые земли, прежде всего, делились на промысловые территории в округе нового города, называемые тюркским термином «юрт» или русским «ухожай» (от слова *уходить*). Позже, с ростом населения, земля раздавалась служилым людям [12, с. 18].

Лица служилого сословия в России юридически имели право владеть землей и крестьянами, они обязаны были нести государственную службу, обычно — военную. С XV по XVII вв. сложилась сложная иерархия чинов и служилых людей, достигшая в первой

половине XVII вв. большой четкости. Надо, однако, учесть, что система чинов применялось лишь к одной группе служилых людей — к «служилым по отечеству» (по происхождению). Служилые люди по отечеству получали денежное и земельное жалованье, причем земля им давалась индивидуально. Возможности перехода в более высокий чин определялись родовитостью и выслугой.

Другую группу служилых людей составляли «служилые люди по прибору»: стрельцы, пушкари, казаки, затынщики, воротники, позднее — драгуны, солдаты. Они «прибирались» на службу из различных слоев населения [14, с. 26].

«Служилые по отечеству» от «служилых по прибору» отличались тем, что получали землю в пользование лично с документальным подтверждением. Но в 30–40-х гг. XVII в., когда развернулось интенсивное строительство новых городов, доступ в число детей боярских не был очень сложным [14, с. 28–29]. Например, в южных уездах встречается небольшая группа «поместных казаков». Это те казаки, которые, продолжая выполнять казацкую службу, сумели по каким-то причинам получить землю лично, по типу детей боярских. Уже в списке 1626 г. они объединяются с детьми боярскими, причем указывается общая численность обеих групп. Постепенно поместные казаки слились с детьми боярскими, документы перестают их выделять.

И первая, и вторая категории служилых людей в XVII–XVIII вв. обозначались общим названием «однодворцы», по способу ведения хозяйства. Большинство однодворцев не имели крепостных и жили всего-навсего одним двором, с землей, выделенной государством за несение военной службы [12, с. 18].

Возникает естественный вопрос: откуда правительство черпало людские ресурсы для заселения не одного-двух, а десятков новых городов? Припомним, что только в течение трех лет (1632, 1633 и 1637 гг.) татары увели в полон более 10 тыс. душ; сюда надо присоединить потери 1631, 1634, 1635 и 1636 гг., размера которых мы не знаем [15, с. 296]. А турецкий путешественник Эвлия Челеби, находившийся в турецко-татарском войске летом-осенью 1641 г., после набега на московские земли говорит о «сорок пять тысяч ясыра» [16, с. 19].

Таким образом, проблема привлечения людских кадров стояла очень остро, успехов в борьбе с внешними врагами искали не столько в крепостях, сколько в людях, которые пахали землю под их стенами. «Без людей никакая крепость не удержится», — говорили современники. Оборонительные рубежи, отодвигаясь все далее и далее к югу, прикрывали расширяющуюся область земледелия. Сельскохозяйственные угодья правительство ставило на учет, и раздачу их превращало в орудие социальной политики [16, с. 73].

А. А. Новосельцев отмечал два приема заселения новых городов: «Это — «сведение» в них части служилых людей из других городов или обращение правительства с призывом к «вольным и охочим людям». Тот и другой прием при слишком неумеренном пользовании ими угрожал обезлюдением городам и уездам, откуда население передвигалось; правительство не могло упускать из виду простого и здравого соображения, что «добро строить новые города», но делать это так, чтобы «старых не запустошить». Обращение к вольным и охочим людям грозило потрясением крепостнического строя и вызывало протесты вотчинников и помещиков и всех вообще служилых людей, лишившихся рабочих рук» [15, с. 296].

Но был еще и третий путь. Автор считает, что для заселения присоединяемых территорий привлекались в большом количестве крещеные татары, чуваша, мордвина и другие народности, переходившие в подданство московского царя.

Для подкрепления данного тезиса следует привести указ правительства о наделении поместным жалованьем новиков детей боярских и крещеных татар, датированный не позднее зимы 1641 г.: «И по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всея Руси указу околничему Федору Васильевичю Вольнскому да дьяком Василью Яковлеву да Микифору Демидову велети новиков детей боярских розных городов и новокрещенов и себя в приказе писати... и государевым царевым и великого князя Михаила Федоровича всея Руси жалованьем, помесными и денежными оклады, их верстати...» [18, с. 194].

Таким образом, списки детей боярских новиков формировались потомками служилых людей и новокрещенцами. На службу московским царям путь не был очень сложным ни для знатных инородцев, ни для простых обитателей степи. Татарские ханы,

царьки и князья стали переходить на нее уже в XV в. А в XVI в., после завоевания Казани, Астрахани и присоединения Сибирского ханства, данная тенденция приобрела массовый характер. Урусовы, Юсуповы, Ахматовы и т. д. — знатные фамилии из российской истории с татарским происхождением.

Рядовые же татары или представители других народов при крещении получали обычные русские имена и фамилии, ничем не режущие слух обывателя XVII в., например: Куземка Федоров или Иван Иванов [15, с. 287]. Более типичные русские фамилии сложно придумать. Естественно, в списках напротив имени стояло пояснение, как правило, состоящее из одного слова — «новокрещен», но это было вторично, а главное, что в иерархии служилого сословия эти люди были детьми боярскими новиками, и именно отсюда вытекали их привилегии и обязательства.

Как уже указывалось, основные фамилии коренных жителей села Молодовая — это Дергоусов, Толстой, Тимофеев, Сапалёв, Стрельников и Воронкин. И именно боярских детей новиков упоминает Филарет Гумелевский в своей работе о заселении интересующего нас региона. Помимо этого, для более точной локализации поселенцев у Филарета находим такие выдержки: «Въ Царской грамате 1662 года читаемъ предписаніе, последовавшее по просьбе Ивана Толстого съ товарищами, вместо «стънныхъ покосовъ», которые у них отошли къ новопостроенному городу Салтову», отвесьть покосы по обе стороны реки Бабки» [13, с. 282–283].

Из воспоминаний старожилов следует, что первые жители села несли дозорную службу за Донцом, на Изюмском шляхе. А у того же Филарета находим роспись службы детей боярских салтовцев 1676 года, где помимо всего говорится: «...8 человек отправляются въ Нагайскую степь къ Осколу и вверхъ Бурлука до Щенячего кургана для сторожевой службы...» [13, с. 288].

Несколько слов следует сказать о дальнейшей судьбе служилого населения южных уездов. В XVII в., как уже было отмечено, большинство детей боярских и приборных чинов не имели крестьян и по способу трудового ведения хозяйства сближались с крестьянами. Юридическое оформление это сближение получило в начале XVIII в. В 1712 г. велено было собирать подати с однодворцев по переписным книгам 1710 г. В 1722 г. однодворцы были положены в подушный оклад. В 1724 г. однодворцев прямо причислили к государственным крестьянам. Затем закон распространил на них круговую поруку и признал однодворческие земли неотчуждаемыми [17, с. 73].

Как уже указывалось, дети боярские и низшие приборные чины служилого сословия с течением времени слились в одну социальную категорию однодворческого населения. Хотя однодворцы были причислены к государственным крестьянам и юридически от них не отличались, они жили по-разному, иногда хуже помещичьих и экономических крестьян. Однако многие исследователи еще и в XIX в. отмечали определенную специфику их жизни, языка и замкнутость быта [12, с. 35].

Оставим анализ материальной культуры однодворческого населения за рамками данной статьи и обратимся к статистическим данным.

Динамика движения населения в Центральном-Черноземном районе на протяжении XVIII–первой половины XIX вв. по материалам I–X ревизий (1719–1857 гг.) разработана В. М. Кабузаном в работе «Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав» [19]. Выводы, сделанные им, не позволяют предполагать наличие какого-либо другого этнического компонента при заселении интересующей нас территории. Например он пишет: «В Воронежской и Курской губ. проживали только русские и украинцы, причем русских было около 70, а украинцев — 30 %» [19, с. 96]. Лишь в Рязанской губернии В. М. Кабузан фиксирует менее одного процента татарского населения [19, с. 95].

Однако в вышеназванной работе автор отметил массу противоречий, которые позволяют поставить под сомнения выводы, сделанные В. М. Кабузаном.

В вводных главах, посвященных истории проведения ревизий и критике исторических источников, В. М. Кабузан указывает на путаницу при заполнении граф ведомостей, посвященных нерусским народам [19, с. 12]. Исходя из его же слов, видно, что в ведомостях были заполнены графы «ясашные иноверцы». Иногда иноверцы указывались с пояснениями, татары это, чуваша или мордва [19, с. 12]. В. М. Кабузан указывает на

существование специального указа от 10 мая 1737 г., предписывающего присылать в Сенат более подробные формуляры на предмет указания точного количества ясашных иноверцев и их этнической принадлежности. Однако путаница осталась при переписи христианского нерусского населения (новокрещенов — *авт.*), они так и не были вынесены в отдельную графу [19, с. 12–13].

Далее В. М. Кабузан обращает внимание на формуляры по Воронежской губернии, где в разделе «Новокрещенные ясашные иноверцы» были объединены татары и мордва [19, с. 13]. Более того, по той же губернии он перечисляет мордовские села, приводя количество населяющих их душ [19, с. 16]. В. М. Кабузан прямо говорит о наличии в архивах более подробных данных о мордве и татарах, собранных по Воронежской губернии [19, с. 16–17]. Но, подводя итоги работы, пишет: «В Воронежской губернии русских по I ревизии оказалось 69,4, а по II — 69,7 %, остальное население являлось украинским» [19, с. 96].

Таким образом, можно говорить о том, что при заселении территории Слободской Украины в массивах русского населения присутствовал значительный слой тюркоязычных по своему происхождению народов. Данный факт сначала в российской, а позже в советской науке либо не был замечен вовсе, либо умышленно фальсифицировался. Была общепринятой установка на то, что данные земли заселили только русские и украинцы. Таким образом, на основе вышеприведенных фактов можно утверждать, что в истории Слободской Украины остался без рассмотрения интереснейший пласт этнической составляющей заселения данной территории. Ранее не известный материал позволил по-новому взглянуть на этнический состав Харьковской области и историю заселения Слобожанщины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багалій Д. І. Історія Слободської України. — Х., 1918.
2. Словник-довідник з археології/Під ред. Н. О. Гаврилюк. — К., 1996.
3. Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. — М., 1991.
4. Матвеев Ю. П. Катакомбно-абашевское взаимодействие и формирование срубной общности//Археология Восточно-европейской лесостепи. — Вып. 2, — Воронеж, 1998.
5. Шрамко Б. А. Древности Северского Донца. — Х., 1962.
6. Ольховский В. С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). — М., 1991.
7. Древние культуры Евразийских степей. — Л., 1983.
8. Сміленко А. Т. Слов'яни та їх сусіди в Степовому Подніпров'ї (II–XII ст.). — К., 1975.
9. Плетнева С. А. Древности Черных Клобуков//Археология СССР. Свод археологических источников/Под ред. ак. Б. А. Рыбакова. — М., 1973.
10. Ачкинази И. В. Крымчаки. — Симферополь, 2000.
11. Каховский Б. В. Погребальный обряд Чувашского языческого населения //Современные социальные и этнические процессы в Чувашской АССР. — Чебоксары, 1978.
12. Чижикова Л. Н. Русско-украинское пограничье. — М., 1988.
13. Филарет Гумелевский. Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Отд. IV. — Х., 1858.
14. Загоровский В. П. Белгородская черта. — Воронеж, 1969.
15. Новосельцев А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. — М.; Л., 1948.
16. Эвлия Челеби. Книга путешествий. Походы с татарами и путешествия по Крыму (1641–1667 гг.). — Симферополь, 1996.
17. Важинский В. М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII в. — Воронеж, 1974.
18. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI–первой половины XVII века. Тексты. — Л., 1986.
19. Кабузан В. М. Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. — М., 1990.

